

Wasilij Sienkiewicz

Brzeski Uniwersytet Państwowy im. A.S. Puszkina, Białoruś

ORCID: 0000-0002-6694-2530 | e-mail: sienkiewiczw@tut.by

Общение как (не)вербальное поведение

DOI: 10.34739/clg.2022.14.07

Введение

В современной лингвистике коммуникация противопоставляется общению (Якобсон 1985; Колмогорова 2012: 272–277). Объект коммуникации – значение, объект общения – смысл; основное действие в пределах коммуникации – кодирование/декодирование, в пределах общения – интерпретация как «работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом» (Рикёр 2008: 51). Продолжая сопоставление коммуникации и общения в традиционном для лингвистики аспекте, мы предлагаем взглянуть на общение как на антиномию деятельности и поведения. Если строго придерживаться позитивного определения деятельности «процесса активного взаимодействия субъекта с объектом, во время которого субъект целенаправленно воздействует на объект, удовлетворяя какие-либо свои потребности, достигая цели» (Мещеряков, Зинченко 2004: 432), то окажется, что общение такому определению не соответствует. В широком смысле коммуникация (vs общение) есть антиномия «логики» (слова) и «ургии» (дела).

Цель настоящей статьи – осмыслить логистический характер общения и обосновать его этологический (поведенческий) статус в языке. Реализованный нами метод в обыденном сознании называется «от обратного» и представляет собой феноменологический путь постижения сущности. В других областях познания этот метод называется «антиномическим» (философия), «апофатическим» (теология); ср.: «феноменологическая редукция» (Э. Гуссерль), «ученое

незнание» (Н. Кузанский). Выведение познаваемого из сферы явлений и позитивных определений («заключение его в скобки») – путь проникновения в сущность вещей. То, что есть (*essentia*), противопоставляется остальному – существующему (*existentia*). На пути подобной феноменологической редукции обнаруживается все, что не существует как явление, однако несомненно присутствует в сознании реципента (Сенкевич 2020).

Антиномия слова и речевой деятельности

Тезис о том, что говорение является «продуктивным видом речевой деятельности» (*Новый словарь...* 2009: 345) вводит в заблуждение и нуждается в пересмотре. Прежде всего, вызывает возражение отнесение глагола «говорить» к категории агентивных глаголов. Говорение обусловлено характером говорящего и не зависит от проявления его воли: *бормотать* (про себя), *бубнить* (под нос), *бухтеть*, *цедить сквозь зубы*, *басить*, *болтать*, *вещать*, *витийствовать*, *лопотать*, *сюсюкать*, *скрипеть*, *щебетать*, *лепетать*, *лепить* и др. Говорение – состояние говорящего; кто-то в состоянии (или не в состоянии) говорить. Значение процессуальности, т.е. последовательного изменения во времени, глаголу «говорить» не свойственно. Как поточное состояние, говорение не происходит «по результату», а осуществляется «по ходу» – проходит (*ход переговоров*, *ход беседы*). Говорение вызывает перемены¹, не влекущие за собой изменений. Сменой состояний знаменуется поступательный рост, не тождественный прогрессирующему движению: «...Он /прогресс/ есть само изменение, движение, а в этическом смысле – измена» (Федоров 2003: 34).

В отличие от коммуникативной деятельности, в общении нет участников. Говорящий и слушающий выступают неотъемлемыми компонентами создаваемой ими кооперативной модели общения (Бюлер 1993: 33). Говорящий не позиционирует себя как личность («Я») и не представляет коллективное «Мы». Он не агент, лабирующий личные или коллективные интересы, а автор («сам»), вместе с себе-седником («другим») расширяющий свое присутствие в мире². Общение – творчес-

¹ «Перемены – это неизменность в меняющихся обстоятельствах» (С. Батлер).

² Слово «автор» происходит от *auctor* – «тот, кто расширяет». Римляне называли так полководца, который добывал для страны новые территории.

тво соавторов, стремящихся совместными усилиями разомкнуть рамки видимого мира и недискурсивным путем приблизиться к познанию сущности вещей.

Исполненное благодати Слово и «дело Закона» (ап. Павел) – глобальная антиномия всего, что говорится, и того, что сказывается. Закон слеп³ и творчески не созидателен. «Ни один человек не творит «по закону»; творчество возможно только «по благодати» (Выше-славцев 1994: 24). Звучащее слово ничему не причастно. «...Никто не будет представлять себе слово в жизни и по причастию жизни. [...] слово есть не причастие жизни, а сама жизнь» (Святитель Георгий 2021). Слово обладает критерием подлинности, мифологизируется и воспринимается как «живое слово живого человека» (М. Бахтин).

Антиномия слова и речи облекается в форму оксюморона – неизреченного («несказанного») слова, избавленного от институциональных «измов» речевой деятельности и необходимости наглядно утверждать что-то, т.е. «давать видеть»⁴. Слово – путь возвращения к самой реальности⁵. «Λόγος есть лозунг, зовущий от схоластики и отвлеченности вернуться к жизни и, не насилуя жизнь схемами, наоборот, внимая ей, стать воплощением ее божественного смысла, ее сладких утех и глубоких задач» (Эрн 2000: 3).

В широком смысле противопоставление слова (логоса) и дискурса (речи) – это антиномия совершенного устройства (лада) и рациональной организации (порядка), жизненной сцены и арены борьбы, происходящего и проходящего, следа (знака) и бесследности. «Когда начисто сглаживается антиномичность языка, то тем самым начисто уничтожается и самый язык» (Флоренский 1990: 185).

Антитеза слова и речи прослеживается в церковной традиции. Противопоставление уже сказанного и возражающего ему *еще* звучащего Слова – лейтмотив *Нагорной проповеди*: «Вы слышали, что сказано...» – «А Я говорю...».

Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злему (Матвея 5, 38,39); Вы слышали, что сказано: «любите

³ Правосудие символизирует статуя богини с завязанными глазами.

⁴ *Все что видим мы – видимость только одна // Далеко от поверхности мира до дна // Полагай несущественным явное в мире, // Ибо тайная сущность вещей – не видна* (О. Хаям).

⁵ Гуссерлевский лозунг «Назад, к самим вещам!» есть стремление пройти сквозь уже сформированные концепции к самой интенциональной жизни сознания.

ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас... (Матвея 5, 43); Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем (Матвея 5, 27, 28).

Поэтическим рефреном в евангельском тексте звучат слова «А Я говорю...». Говорение – «для кого» (*Для кого я говорю?*); сказанное – кому сказано (*Я кому сказал!*). Без фокусированных «Я» («Мы») не обходятся дискурсивные практики: *Вор должен сидеть в тюрьме! Я сказал!* (Из фильма *Место встречи изменить нельзя*) – **Мы** – бога во Христе отрицаем, человека же – признаем! ... **Мы** – не мудрые, **мы** – простые. **Мы** так думаем... (М. Горький Максим, *Жизнь Клима Самгина*). В пассаже «А я говорю...» говорящий не выделяет себя и не актуализирует свою личность, однако акцентирует свое присутствие как *Homo loquens* – человек, манифестирующий свое мнение вопреки существующим установлениям (Сенкевич 2020: 171–181).

В «сказать» содержится идея демонстративной видимости. Коммуникативное действие («сказывание») понимается как показывание: *казать* – «давать возможность видеть», «показывать». *Не казать глаз (или носа)* – «не появляться, не бывать где-н.» (МАС 2, 14)⁶. У Даля: *Казаль ли ты ему этот товар? Казаль, да не показался. Не кажется мне товар ваш. Сделай на каз. Казовый* – изготовленный на каз, напоказ, на славу – чистый, для показу (т. 2, с. 74)⁷. «Существо языка есть сказ. Сказ дарит слышание языка и тем самым речь. В сказе дано это дарение. Существо языка покоится в таком дарующем сказе» (Франк 1990: 383). В отличие от существа языка (т.е. существенного, главного в нем) сущность не слышится, а выслушивается⁸.

Говорение – отстраненная от дела манифестация (обнаружение) разных интенциональных состояний сознания. Это «прохождение по адресу» кого-чего-либо: *Он с деланной иронией прошелся по адресу отощавшего сына...* (В. Санин, *Семьдесят два градуса ниже нуля*). Каждый автор говорит и пишет для воспринимающей инстанции –

⁶ Здесь и далее: МАС – *Словарь русского языка в 4 т.* (1981–1984), (ред.) А.П. Евгеньева, Москва.

⁷ Даль – Даль В.И. (1978–1980): *Толковый словарь живого великорусского языка*, в 4 т., Москва.

⁸ «Выслушаем сущность всего...» (Еккл. 12:13).

другого. Дискурсивное знание и процесс понимания в режиме звучащего слова уступают место ходу постижения смысла, воплощенного в устном слове и тексте. Вербальная манифестация оказывается не направленным к определенному результату искусством изобразительной визуализации реальности, в ходе которой ее подлинная сущность приближается к реципиенту. Смысловая доступность слова обусловлена его изобразительностью. Смысл не поясняется картинкой (образом), но эйдически манифестируется – «вырисовывается» (выводится на свет, высветляется)⁹.

В ходе общения слушатель сам дешифрует смысловой контент полученного слова. В отличие от институционального значения, феномен смысла не существует в языке сам по себе, а со всей очевидностью есть для реципиента¹⁰. «Уверение, что кто-то или что-то есть, относится к сущности лица или вещи, а не к его или ее видимости» (Фромм 2004: 50). Найти ответ на волнующие («больные») вопросы, вникнуть в сущность всего – не значит понять что-то определенное. Насущные вопросы, корреспондируя с сущностью, не имеют отношения к актуальным проблемам и пониманию. Общение – сфера познания непонятной, однако очевидной для человека и изначально беспроблемной реальности. Его ситуативный ход оправдан и мотивирован тем, что «есть вопросы», требующие своего разрешения.

Ключевое слово говорения – «воплощение». Глаголом «воплощать» высказывается сама суть творческой задачи. «Воплотить – о веществе ить (разрядка наша – В.С.) то, что само по себе вещью не является» (Ортега-и-Гассет 1991: 74). Статус звучащего («живого») слово вещный. Как и вещь, слово не факт, требующий подтверждения свидетелем, а самая что ни есть доступная очевидцу реальность¹¹. Как и вещи, звучащие слова вещают – говорят сами за себя. В режиме общения слово перестает быть явлением и обретает статус феномена – вещи «для нас».

Этологическая сущность общения

В отличие от речи общение не является рядом последовательных трансакций. Это серия оправданных и неоправданных поступков, из

⁹ Ср.: *понять*, но: *пролить свет* на что-л.

¹⁰ Общение – путь к нефактической очевидности.

¹¹ Для феноменологии принцип очевидности есть «принцип всех принципов» (Э. Гуссерль).

которых складывается (не) вербальное поведение говорящих. За свои слова-поступки человек не несет персональной ответственности¹², однако отвечает перед инстанцией адресата: – *Юноша, за базар ответишь, – мрачно предупредил Супер* (И. Сахновский, *Ревни-вый бог случайностей*).

Этологическая сущность общения обнаруживается в его аналогии с дуалистическим единоначалием танца. В танце, как и в общении, присутствует поведенческий «спаринг» напарников. В паре важно не чувствовать себя отдельно от другого:

[...] все танцуют один танец под одну общую музыку, но разбиты на пары. Пара есть минимальная единица потребности человека в человеке. [...] Возникает ситуация, которую неоднократно отмечали, когда писали о балах: танцующая пара как бы у е д и н е н а (разрядка наша – В.С.). Они находится со всеми, и наедине. Пара имеет некий совместный интимный мир, исключительно важный для находящихся в ней (Лотман 1969: 466–467).

В парности акцентируется аспект совместности: *с кем* ходить в разведку, *с кем* сидеть за одной партией, *с кем* дружить, *с кем* жить и т.д. Социальный смысл «с кем» – принципиален для логоса: «с кем говорить» – с другом, с отцом и т.п. Ср.: *Близкий – тот, с кем ты можешь говорить часами, даже когда говорить то и не о чем. Близкий – тот, с кем приятно даже просто помолчать* (Неизвестный автор). Параметр «с кем» говорит о сущности, ср.: *Человек с ружьем* (советский фильм 1938 г., но: *Мужчина з кветками* – стихотворение гомельской поэтессы Аллы Петрушкевич (1997).

Этос (характер) слова меняется в зависимости от того, *с кем* кто говорит, т.е. детерминируется авторитетом – общественным весом и рангом адресата. Этот «ранжированный» аспект говорения талантливо подмечает в поэме *Мертвые души* Н. Гоголь:

Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. [...] У нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а с тем, у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем,

¹² Ср.: *Слово к делу не пришьешь* (посл.).

у которого их восемьсот; словом, хоть восходи до миллиона, все найдутся оттенки (Н. Гоголь, *Мертвые души*).

Для общения важно место. Оно распознается как камерное (уединенное) или публичное. Говорят с глазу на глаз или в присутствии других. Положение «Мы остались одни» не тождественно ситуации общения – «наедине». Собеседники не одни, а наедине. *Одни* – значит без свидетелей, *наедине* – никто не подглядывает, не подслушивает. В «наедине» место свидетеля «по делу» занимает «секундант» – смотрящий за поведением и сверяющий поступки соперников (не конкурентов!) с принятым регламентом.

Уединенное («внутреннее») место совпадает с местом «здесь» и распознается как локализация «где» (*Где мы можем с тобой поговорить?*)¹³. Уединенный «локдаун» не означает одиночество, однако подразумевает перспективу нахождения в разной степени близости с напарником. Для уединенного общения подходит, например, беседа: *Во время нашей встречи мне ужасно хотелось уединиться с ней и поболтать по-девичьи* (С. Букина, *Неоднажды в Америке*). Антипод внутреннего «здесь» – внешнее место «там». «Здесь» слушают и смотрят, а «там» – слышат и видят (*Что ты там слышал? Что ты там видел?*).

Общение не обходится без конфликтов и споров – словесных поединков. В споре, как и в ссоре, никто никого не побеждает, однако в состоянии одолеть (осилить) противника – взять над ним верх, сладить с ним. Иерархический принцип «верх/низ» не приводит к главенству. Не связан он также с гендерными ролями¹⁴. В «спаринге» общения непременно есть старший (ведущий). Его принято слушать. У него в «послушании» находится ведомый. (Кто меня слушает – *мой* слушатель). Каждый оказывается ведущим для всех, кто ниже в иерархии, и ведомый для тех, кто выше. Расстройство поведения, не исключая и вербальное, – непослушание¹⁵. Если собеседник не слушает, говорящий испытывает унижение или разочарование. Присутствующая в общении совместная интенциональность не является

¹³ Ср. англ. *lockdown* (*lockout* букв. «запирать дверь перед кем-либо и не впускать»).

¹⁴ Летчики, например, летают парами.

¹⁵ Послушание не означает подчинение. Принцип послушания – «кто под кем ходит» (жарг.).

намерением или желанием. Это стремление – порыв, которому всецело посвящают себя напарники.

Для уединения не обязательно присутствие другого человека. Место другого занимает все, к чему кто-либо испытывают склонность. Другой (-ое) – близкий (-ое): *уединиться с книгой, наедине со своими мыслями, наедине с природой*: бел. *Я не самотны* – я кнігу маю... (М. Багдановіч). *Я женился на другой* /«Сабля вострая моя»/ (песен.). Наедине с самим собой человек не одинок – с ним его рефлексия:

Ей хотелось **остаться наедине со своими переживаниями**. Окунуться в омут своих терзаний, дать унести себя смерчу, гигантской волне торнадо, а взрыву разнести себя на мелкие кусочки. Боже, я схожу с ума, – обреченно подумала Герда, погружаясь в свой внутренний мир (О. Володарская, *Призрак большого города*).

Неизменный критерий всего «другого» – его не «таковость»: не такой – *другой*, не так – *по-другому*; ср.: «*Я не такая...*» (возражение); *Все не так, как кажется* (Конфуций). *Нет, ребята, все не так, все не так, ребята* (В. Высоцкий). *В него есть другая. Тая не такая...* (песен.). Другой (-ое) – не по порядку «другой (-ое)», но в принципе.

Дуальный принцип общения есть неразрывность двух несводимых начал (архэ). Беседа не тождественна диалогу. Совместной интенциональностью и мотивацией логистика беседы отличается от такой дискурсивной формы конструктивной коммуникации, как разговор. Логистический «симбиоз» – антитеза дискурсивному диалогизму. Говорящие не конструируют институциональную действительность, однако продуцируют виртуальную реальную – свой повседневный жизненный мир, где они находят себя и свое дополнение. Институциональные «измы» в общении сменяются недискурсивными «озами» (*апофеозность, виртуозность, грациозность, грандиозность* и т.д.).

Дискурсивная дистанция диалога сменяется в общении расстоянием. Любая дистанция предполагает соблюдение точности¹⁶. Приблизительное расстояние (*на вытянутую руку, рукой подать* и т.п.) не соблюдают, но «держат» (*держат кого на расстоянии* или *приблизить*). Сплоченность («приблизиться вплотную») не тождественна единству. Другой – не друг и не враг, но приятель либо

¹⁶ «Ковидная» дистанция – 1, 5 м. «Соблюдайте дистанцию 1, 5 м» (надпись на полу в магазине).

неприятель (супостат). Друзья разговаривают, приятели («не разлей вода») встречаются, чтобы поговорить. Встреча – формат сближения и сотрудничества. В объединении есть связь («узы»), общение в принципе свободно – и в этом его роскошь¹⁷.

Всякое поведение, не исключая и вербальное, не зависит от воли, однако всецело мотивировано характером говорящих. Каждый обладает характером – своей сдержанностью или несдержанностью. «Моя определенность (я такой) не входит для меня самого в мотивацию поступка; в классицизме поступок всегда мотивируется характером героя» (Бахтин 1994: 23). М. Бахтин связывает поступок с представлением о непрерывном поступательном поведении человека:

Каждая мысль моя есть мой осознанный или неосознанный поступок, один из поступков, из которых складывается вся моя единственная жизнь как сплошное «поступление»; вся моя жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок; я поступаю всей своей жизнью, каждое устремление и переживание есть мгновение моей жизни-поступления. Я поступаю словом, мыслью, чувством; я живу, я становлюсь поступком (Бахтин 1994: 17).

Не будучи деятельностью, поведение не имеет причины и, следовательно, не может быть объяснено. Однако у поведения есть повод и **мотив**. В поведенческой мотивации вопрос «почему», имеющий цель вскрыть причину происходящего, сменяется вопрошанием «А зачем»: *Это теперь другому надо, А мне-то зачем?* (песен.). – *Приветствую вас, полковник. Я хотел бы говорить с вами и вашим заместителем одновременно. – Это еще зачем?* (А. Орлов, Крылья огненных драконов).

В этологической мотивации акцентируется аспект стоимости («А стоит ли?»). Ничего, по сути, не делая, каждый поступает словом – решает, стоит или не стоит говорить: *Едва ли **стоит говорить**, что к этому времени я уже успел настроиться на самое худшее* (А. Чехов, Каштанка). Демотивация обнаруживается в языковой идиоматике: *какого черта, какого лешего, какого рожна, на фига, на фиг, какого фига, на хрена, на хрен, какого хрена, за каким хреном, за коим хреном* и т.п.

Сознательный человек во всем склонен искать мотив. Если слово оказывается как-то созвучно с другим словом, то в нем для реципиента начинает звучать мотив последнего. При этом мотивированное слово

¹⁷ Ср: «Добро пожаловать!», однако: «Милости просим...».

нередко говорит для реципиента совершенно не то, что выражается им самим по себе:

При словах «предложение» и «союз» ученицы скромно потупляют глаза и краснеют, а при словах «прилагательное» и «придаточное» ученики с надеждою взирают в будущее» (А. Чехов, *Из записной книжки старого педагога*).

Неосознанно-наивная мотивация характерна для детского возраста: «Лодырь – это человек, который делает лодки, а всадник – это который в саду»; «деревня – где деревьев много» [...]. «Мельница – жена мельника, а казак, конечно, муж козы» и т.п.» (Чуковский 2019: 278). В осознанной мотивации обнаруживается критика (*прихватизация, демократы, гендераст*) или звучит юмор: – *Я сейчас в такой **запарке**, в такой **запарке**... – В каком ты там еще **зоопарке**?* (разг.). Стремлением мотивировать в ходе вечного поиска смысла «грешат» поэты: бел. *Уладнае жа - зло (Дарэмна тут жа - гнацца)* *На скрут, на гвалт, на злом Нас гоніць у жа - брацтва* (З. Дудзюк). *Рас-стояние: версты, мили...Нас рас-ставили, рас-садили...* (М. Цветаева).

С мотивированностью сближается не менее важная характеристика общения – **резонность** (ср. *понять логику*, но: *проникнуть в резоны*). У дящегося мгновения (периода) общения есть свой резон: *«У каждого мгновенья свой резон...»* (песен.). Слово «резон» трактуется как «оправдание», «разумный повод», «смысл в каком-л. поступке», «здравый смысл», «прок», «мотив». Резон не существует сам по себе. Он (не)есть; его распознают и ищут: *Не резон так говорить (поступать).* – *Оно и верно. Какой тебе резон говорить? Все одно утром повесят...* – *добродушно сказал сторож* (Д. Емец, *Вселенский неудачник*). *Мне нет резона врать или лукавить* (А. Ванденко, А. Тулеев, *С моих слов записано верно*). *Нашли резон держать за своего* (А. Чумовицкий, *Золотой запас Колобка*).

В вербальном поведении не задействован механизм выбора. Альтернативности речи противопоставляется **арбитральность** (фр. *arbitraže* – разрешение) общения. Выбор означает определение одного из возможных вариантов, разработанных и предложенных кем-то иным. Решение – это не волевое действие, а инспирированный поступок. «Результатом отказа от решения всегда является своя

непрожитая жизнь, когда человек обрекает себя на существование, запрограммированное кем-то...» (Полборн 2009: 4).

Решение говорить – мотивированный поступок; решительность распознается как черта характера говорящего: – *Ну, и зачем ты мне об этом говоришь, а?!* (С. Черемухина, *Найтись и потеряться*). *Они, как юродивые, говорят о том, о чем боятся, не смеют или не решаются заговорить очень многие* (А. Буровский, *Холокост. Были и небыли*). – *Хозяина-то нетути... Без него как бы и неладно, – заговорила нерешительно Татьяна* (Н. Гейнце, *Из-за корысти*).

Подлинное слова не является результатом выбора. Это селективная находка, разрешающая возникшую «вот»-ситуацию. Смысл общения в том, чтобы совместно с другим находить ответы на насущные вопросы: *Господа, меня мучат вопросы; разрешите их мне* (Ф. Достоевский, *Записки из подполья*). Принятое решение – итог поиска в потоковом состоянии сознания, воплощенного в вербальной палитре его манифестаций. В ходе общения слова как бы «фильтруется» говорящими «единого слов ради» (В. Маяковский):

Как я нахожу слово? Иногда это может случаться так, словно я сопоставляю тончайшие оттенки запахов: *это* чересчур... и *это* тоже слишком... – а *вот* это в самый раз. Но при этом не всегда нужно выносить оценки, объяснять. Нередко можно только отметить: «Это еще не подходит». Я не удовлетворен и продолжаю поиск. Наконец ко мне приходит *то самое слово*: «*Вот оно!*». Я не могу сказать почему. Просто поиск здесь выглядит вот так, находка – так (Витгенштейн 1994: 306–307).

Слово вертится у меня на языке», говорит тебе: слово, подходящее к данному случаю, ускользнуло от меня, я надеюсь вот-вот его найти (Витгенштейн 1994: 81).

В поведении человек выступает пользователем. Ситуация принятия решения непременно разрешается в пользу кого-чего-либо. В полезном для собеседников поиске консенсуса, по сути, неуместны прагматические соображения выгоды и проявления собственного («шкурного») интереса. «Интерес заволакивает сознание туманной пеленой и, понуждая нас к выбору, к участию в деятельности и позиционированию себя, оставляет в тени одно, одновременно проливая избыток света на другое» (Ортега-и-Гассет 1991: 208).

Говорение – не деятельность, а занятие, безынтересность которого компенсируется характерной для него занимательностью¹⁸.

С мотивированным вербальным поведением корреспондирует феномен **релевантности**. А.Н. Веселовский связывает эту характеристику с мотивированностью: «Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» (Веселовский 2004: 500). Говорить – значит отзываться на посылаемые запросы и селекционировать поступающие ответы. Нерелевантным оказывается то, что не совпадает с поисковым запросом пользователя¹⁹.

В языке повседневности аспект нерелевантности отмечается словом «абы»: *говорить абы что (абы как, абы где, абы с кем и т.п.): бел. Пляцеш абы што тут. Людзі падумаюць і праўда* (І. Мележ, *Людзі на балоце*). Интенция поведения – «не абы как» (говорить, писать, ходить и т.д.). Избавленное от «абы» предстает в своей самости: *Не абы хто, сам Н. Но тут не абы какой купчина* (К. Буланов, *Вымпел мертвых*).

Общение не предполагает ошибок. Ищущий смысла не ошибается, однако впадает в заблуждение, пробираясь сквозь дебри своих и чужих мнений. В этическом ключе заблуждение осмысливается как падение: *блуд, блудняк* (жарг.). *И таким образом, в диком беспамятстве **впал я в блуд*** (А. Чехов, *Убийство*). В этически нерелевантной ситуации референт – «этот»: *Знайшоў каго?.. **Эту** сучку!.. Якая яшчэ ў дзеўках лезла пад усякага!.. Якой толькі адно наўме!.. Толькі адно – што б склешчыца!.. **Абы з кім!.. Абы кныр!.. Абы склешчыца...** Суку завугольную!.. Якая ля кожнага вугла!.. Ля кожнага плоту!.. **Абы з кім!..*** (І. Мележ, *Людзі на балоце*).

Нерелевантность смыслового контента не благоприятствует логистике прохождения общения. Возникающие помехи манифестируются в обыденном языке безусловными рефлексивами: ***Черт знает как говоришь!*** (Г. Максим, *Жизнь ненужного человека*). – *Да чего вы от меня хотите, **черт подери?*** – *почти жалобно пробормотал он.* (Н. Леонов, *Колдовская любовь*). – ***Сто тысяч чертей!!!*** *Рулевой, на курс!* – *рвякнул старпом* – ***Свистать всех наверх!*** (Р. Морган, *Тщетность, или Гибель*

¹⁸ Заниматься чем и с кем не значит что-то делать. Занятие – состояние.

¹⁹ Релевантность поиска означает, что найденное принадлежит одному смысловому полю и совпадает с поисковым запросом.

«Титана»). – Интеллигентным людям, **блядь**, в гости придти нельзя! (Н. Коляда, Мурлин Мурло).

Характер мотивированного поведения **апеллятивный** (лат. *appellāre* «взывать») ²⁰. Апелляция не имеет стимулирующей природы. Это не стимул (толчок), а импульс – позыв. В ходе общения «позывными» для общающихся становятся интимные апеллятивы типа *Коля, Саня, душа моя* и т.д. На зов не реагируют (откликаются), а рефлексивно отзываются («оглядываются») ²¹: *Я звал тебя, но ты не оглянулась...* (А. Блок). Званные противопоставляются избранным ²². Глагол *звать* и его дериваты (*позвать, призвать, вызвать, воззвать* и т.д.) не имеют риторического (утверждающего) содержания: *Врача позвать, а доктора пригласить* (А. Чехов).

Зов – посылаемый сигнал, мотивирующий поступки того, к кому он доходит ²³. В апелляции говорящего присутствует интенция ангажемента (от франц. *engagement* «обязательство; наем»; ср.: пол. *angazować się*, «zobowiązywać się»). Принявший вызов адресат становится ангажированным – связывает себя обязательствами с ангажирующим. В бытовом понимании ангажемент – обещание, обет. Зов есть как бы навязывание себя другому. Однако это не убедительная просьба, а, скорее, мольба ²⁴. Такой, например, негласный зов присутствует в рефлексии Наташи Ростовской на первом в своей жизни балу:

Неужели так никто не подойдет ко мне, неужели я не буду танцевать между первыми... Они должны же знать, как мне хочется танцевать, как я отлично танцую, и как им весело будет танцевать со мною (Л. Толстой, *Война и мир*).

²⁰ Ср.: *сексапильный* (англ. *sexappeal* < *sex пол* + *appeal* – буквально «зов пола»; фр. *appel* вызов на дуэль).

²¹ Лат. *reflecto* ‘поворачивать’.

²² «... ибо много званных, но мало избранных» (Луки 14, 24).

²³ Ср.: SOS (COC) – международный сигнал бедствия в радиотелеграфной связи.

²⁴ Отзывчивость напрямую обусловлена состоянием того, кто отзывается. Уместна аналогия. Гнилое дерево, если по нему ударить, звучит глухо, здоровое – звонко. Аналогия гнилости распространяется на человека и его поведение. Ср. характеристики типа: «с гнильцой человек», «гнилой базар» (жарг.): *Физиономиц у них похожи на гнилые плоды, да и душонки с гнильцой* (Т. Англбергер, *Звездные Войны*). *Ведь если человек с гнильцой, то за полтора года эта гниль вылезла бы* (С. Зверев, *Ядерный клан*). *Мало того, что он отступник, так ещё и просто гнилой человек* (В. Иутин, *Опричное царство*). *Ну, блин, гнилые интеллигенты!* (И. Недозор, *Плацдарм*).

Говорение воспринимается в аспекте рефлексивного отзыва (*Ныма до кого одозватися* (диал.) 'не с кем поговорить'). В этическом смысле отзывчивость – эмпатия; отзывчивый человек принимает сторону вызывающего и характеризуется статусом сочувствующего²⁵. «Каждый человек, обладающий этическим чувством, непрерывно чувствует себя чьим-либо адресатом – не в том смысле, что он галлюцинирует, а в том смысле, что он прислушивается к какому-то безгласному зову, воспринимаемому внутренним ухом» (Уилрайт 1990: 124). Есть имплицитный (негласный) и вечный зов плоти и зов нераздельной с ней души: *Природы древней вечный зов* (Ю. Кузнецов, *Слова, подсказанные небом*).

Опыты общения по модели «зов – отзыв» противопоставляются дискурсивным практикам, происходящим по типу «клич – отклик»; ср.: *Какой привет, такой ответ, но: Как аукнется, так и откликнется*. Отзыв не побуждается и не порождается – вызывается. Общение строится по принципу двухсторонней импликации «если А, то В». Без обуславливающего «если» отсутствует повод для поступка. Адресат, словно эхо, подхватывает доминирующий тон, и, отзываясь, добавляет к нему свои обертоны²⁶. Возникает эффект созвучности, или интертекстуальности. Принципу эха обязаны рефлексивы типа *аты-баты, елки-палки, бухты-барахты, шуры-муры* и т.п. Эффект отсылочности обнаруживается также в цитатных прозвищах: бел. – *Генерал тут колісь буў – нібыто, – прыгадаў Ігнат, Хадосьчын бацька, якога за звычку да месца і не да месца ўстаўляць «нібыто» празвалі – Нібыто-Ігнат* (І. Мележ, *Людзі на балоце*).

В общении говорящие не последователи, а сторонники. Каждый держит свою сторону либо принимает сторону другого. Придерживаясь выработанной линии поведения, говорящий часто пытается склонить собеседника на свою сторону: *Видя отчаяние вдовы Олениной, многие из державшегося упомянутого нами мнения большинства поколебались и стали склонять свои симпатии на сторону «несчастной убитой внезапным горем женщины»*. (Н. Гейнце, *Коронованный рыцарь*).

Риторические стратегии убеждения в общении сменяются логистическими тактиками увещевания и внушения, рекомендации –

²⁵ Ср.: *сочувствующий* 'тот (та), кто поддерживает деятельность какой-л. организации, партии, кто идейно близок ей' (МАС 4, 216).

²⁶ Ср.: *Звук – это эхо смысла* (Э. По).

полезными советами, руководства – наставлениями: *уговорить* ‘склонить к чему-л.’ (МАС 4, 458). Поддающийся на уговоры человек – *уговорный* ‘податливый’: – *Сперва были много им довольны. Он мужик тихий, уговорный* (Г. Николаева, *Жатва*). В стихии льющегося потоком слова, как и в общении с аудиторией, по сути, ничего не должно быть предметом суда – обсуждаться. Рассуждение здесь уступает место размышлению – проговариванию вслух своих мыслей. Так, например, читал свои лекции М. Мамардашвили.

Не менее впечатляла и его /М. Мамардашвили/ манера читать лекцию. Он не пользовался записями, и казалось, что он просто думает вслух отчетливым, хорошо поставленным голосом. Иногда он запинался в поиске подходящего слова, что казалось естественным для человека, явно преследующего глубокую мысль (Дегутис 2022).

В других ситуациях общения собеседники занимаются логистическими переговорами – нечто оговаривают и обговаривают, о чем-то договариваются, уступая друг другу: *Потенциальный покупатель звонит, договаривается о встрече и, долго торгуясь, оговаривает стоимость* (А. Данилов, *Маги криминала*). *Разумеется, мы с вами заключаем договор, где оговариваются все условия* (М. Серова, *Тайная комната*). Сущность совместных интенций переговорщиков заключается в разрешении конфликтов, поиске консенсуса²⁷ – единодушия. Не будучи агентами, они не преследуют цель. Собеседники не голосуют ни «за» (pro), ни против (kontra), однако ничто не мешает им возразить («анти»), высказать свое мнение или поддержать мнение собеседника. Свойственное для разговора согласие способствует комфорту происходящего, однако не благоприятствует «роскоши человеческого общения» (А. де Сент-Экзюпери). Не возражать – не значит быть согласным. Соглашательское «да, да» подавляет «импульс поведения» (Н. Гумелев) и не благоприятствует его ходу²⁸. В согласии нет единодушия. Отсутствие помех в общении (никто-ничто не мешает) корреспондирует с тишиной: *Тихо сам с собою я веду беседу* (песен.).

Сущность вербального поведения **апологетическая** (из др.-греч. *ἀπολοῦμαι* «защищать», *ἀπολογία* «оправдание»). Каждый поступок

²⁷ Слово «консенсус» происходит от латинских слов *cum* – «с» или «совместно» и *sentire* – «мыслить» или «чувствовать».

²⁸ *Любви моей не опошляй согласьем* (В. Вишневский).

и поведение в целом нуждается в оправдании: – Ты **пошто** боярыню обидел, смерд?! (Из фильма *Иван Васильевич меняет профессию*). Говорение – не способ выяснения истинности чего-л., а модель оправдания, т.е. защиты и упрочения своей правды. Интенция оправдания своих слов неизменно присутствует общении. Так, в рассказе А.П. Чехова *Дом с мезонином* привычное поведение политически настроенной Лиды – вербальное:

[...] говорила она много и громко – быть может, оттого, что привыкла говорить в школе. [...] За ужином Лида опять говорила с Белокуровым о земстве, о Балагине, о школьных библиотеках. [...] потом, когда потемнело, долго ужинали, и Лида опять говорила о школах и о Балагине, который забрал в свои руки весь уезд.

На все, о чем говорит Лида, ее мать отвечает: – **Правда, Лида, правда...** (А. Чехов, *Дом с мезонином*).

Правда не открывается как объективная истина, а творится говорящими – ее соавторами. Дискурсивный вопрос «Правильно?», с которым ритор обращается к аудитории, в говорении сменяется апелляцией к слушателям: – «Правда?» «Не правда ли?». Ср.: «Компетентность предполагает знание. **Правильно? Согласны?**»; однако: – *Слаб человек... Не правда ли?* (разг.). Риторика речи нуждается в подтверждении и одобрении. Словесности требуется легитимность – признание и поддержка. В признании других автор черпает уверенность. Другой – источник власти говорящего²⁹ и его авторитета.

В жизненном мире человека не возникает права на имя, однако в нем каждый оправдывает или не оправдывает свое звание. Этологически не оправданными оказываются пейоративные характеристики: – *Вы лиса, мягкая, хитрая; заманить в западню... тихо, умно, изящно... Вот я вас!..* (И. Гончаров, *Обрыв*). Оправдывают себя и прозвища – карикатурные «звания» человека, возникающие в ходе его недискурсивного познания другими. «Такое познание есть ни более ни менее чувство очевидной реальности без помощи какого-нибудь понятия» (Кант 1994: 256): бел. *У маладога лесніка спераду тырчаць два вялікія зубы, а над імі яшчэ і рыжыя вусікі. Празвалі яго Нутрыя* (Я. Брыль); *Той славуты Жаба меў вялікі, сапраўды жабін рот і лупатыя*

²⁹ «...ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Матвея 7, 29).

вочы, у ягоным рыпучым голасе пасля кожнага гука “р” прыпляталася яшчэ і “л” – трлямвай, трлясу з хварлёбай табе (Э. Валасевіч). **Павук** – тлусты, як япрук, аблысёлы мужчына. Ногі тонкія і крывыя, як клешні ў рака, плечы вузкія і пакатыя, як у жанчыны, доўгія, як у малпы, рукі, чырвоная шыя, уся ў зморшчках (А. Чарнышэвіч).

Оправданным признается то, что прошло испытание: *испытанный* ‘оправдавший себя’ (МАС 1, 685). Общение – опыт инициации, подразумевающей смену статусов. Ему сопутствует аспект **посвящения** и прохождения испытаний на пути совершенствования³⁰. Общение оправдывает себя, если говорящие, ничего не сообщая, попеременно посвящают друг друга во что-либо: *Тайн между подругами не было, но Анжелика посвящала Лизу в подробности своей жизни, без вопросов со стороны последней, исподволь* (Н. Гейнце, *Под гнетом страсти*).

Посвящение не имеет ничего общего с информированием. Они не осведомленные, а ознакомленные с чем-либо. К ним доходят посланные вести. Характер беседы вещательный; *вещать* ‘говорить’, ‘предназначать для слушания’ (ср. *совещание, радиовещание*). В идеале человек всецело посвящает себя занятию с кем-чем-либо, полностью отдается и беззаветно предан ему. Это занятие для души и путь обретения целостности: *Сейчас я посвящал себя служению родной литературе в окончательной форме* (Д. Мамин-Сибиряк). *Свободное от службы время молодой муж посвящал, совместно с женою, занятиям музыкой или же чтению выписанных из столицы книг и журналов* (Н. Гейнце).

Посвятить кого-то во что-либо не значит поделиться с ним информацией. Посвящают в «закоулки души» – свои мысли, переживания, страхи и т.д. Слова «*Все для тебя...*» (С. Михайлов) – посвящение, а жертвенная фраза «*Что сделаю я для людей...*» (М. Горький) таковым не является. Посвящение не принесение жертвы, а, наоборот, величайшее благо для того, кто подвижнически чему-кому-либо себя посвящает: – *А что значит – сан? – Я посвященный. На мне благодать* (А. Чехов, *Дуэль*). Посвященные находятся в одной ситуации и совместно переживают ее. «Для анализа человеческого поведения

³⁰ В древних народов обряд, знаменующий переход индивидуума на новую ступень развития в рамках какой-либо общественной группы или мистического общества.

важно не сама ситуация, взятая в абсолютных показателях, т.е. измеряемая статистически, а то, как человек переживает эту ситуацию» (Бахтин 1986: 383). Совместное переживание сближает.

Поведение не ориентировано на удовлетворение актуальных потребностей. У каждого есть свои насущные запросы. Все, что не совпадает с запросами пользователя, не отвечает его аспектациям (лат. *aspectus* – взгляд): **Разве это жизнь** – нянчить детей своей дочери, у которых нет отца, а дочь тем временем будет гулять со своим любезным? (Э. Золя, *Жерминаль*). Кто любую звал голубкой И за каждой бегал юбкой **Разве тот – мужчина?** (песен.): бел. – **Не палучка!** – выдыхнуў хтосьці побач з Ганнай; – **Вот! Это не ўраджай!** – заявіў строга Гайліс (І. Мележ, *Завеі Снежань*)³¹.

Заключение

Антиномия «дискурс (vs логос)» предстает как противопоставление прагматически значимой речи и этически релевантного (не)вербального поведения. Принцип антиномичности языка обнаруживается в разграничении речевой деятельности и общения. Последнее не имеет процессуальных свойств и воспринимается как состояние, в котором дуально находятся говорящий (ведущий) и слушающий (ведомый). Вербальный опыт поведения пользователей языка складывается из серии импровизированных или стандартных этических ситуаций. Этически релевантными оказываются ситуации и форматы общения, возникающие по дуальной конвергентной модели «с кем», противопоставленной дискурсивным жанрам речи. Конверсивная организация эгоцентрического дискурса противопоставляется реверсивному строению живого слова (беседы), выявляющей аналогию с эхом. Этологическая сущность общения обнаруживается в перечне этических характеристик, составляющих антитезу существенным признакам речи. Важнейшие из них: мотивированность, апеллятивность, резонность, релевантность, арбитражность, посвященность.

³¹ Нерелевантность звучит в высказываниях, построенных по модели «Не ..., а...»: *Не квартира, а проходная. Не нос, а картошка. Не голова, а тыква* и т.п. Ср.: *Не дом, а произведение искусств. Не жизнь, а песня. Не мужчина – бог Аполлон* и т.п.

Литература

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. (ред.) (2009): *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*, Москва.

Бахтин М.М. (1986): *Эстетика словесного творчества*, Москва.

Бахтин М.М. (1994): *К философии поступка*, в: Бахтин М.М.: *Работы 20-х годов*, Киев.

Бюлер К. (1993): *Теория языка*, Москва.

Веселовский А.Н. (2004): *Историческая поэтика*, Москва.

Витгенштейн Л. (1994): *Философские исследования*, в: Л. Витгенштейн *Философские работы*: в 2-ч., ч.1, Москва.

Вышеславцев Б. (1994): *Этика преображенного эроса*, Москва.

Даль В.И. (1978–1980): *Толковый словарь живого великорусского языка*, в 4 т., Москва.

Дегутис А., *Воспоминания о вильнюсских лекциях Мераба Мамардашвили*: mamardashvili.com>ramyati-m.m>algirdas-degutis> vospominani (дата доступа: 29 IV 2022).

Евгеньева А.П. (ред.) (1981–1984): *Словарь русского языка в четырех томах*, Москва.

Кант И. (1994): *Собрание сочинений*: в 8 т, ред. А.В. Гулыги, Москва; т. 3: *Критика чистого разума*.

Колмогорова А.В. (2012): *Концепции и модели коммуникации в современном гуманитарном знании*, «Вестник науки Сибири. Филология. Педагогика», сер. 9, № 1 (2), с. 272–277.

Лотман Ю.М. (1969): *О языке типологического описания культуры*, в: *Труды по знаковым системам*, Тарту, т. IV.

Мещеряков Б., Зинченко В. (ред.) (2004): *Большой психологический словарь*, Санкт-Петербург.

Ортега-и-Гассет Х. (1991): *Философия. Культура*, ред. А. Зись, Москва.

Полборн Р. (2009): *Решение и выбор*, Москва–Воронеж.

Рикёр П. (2008): *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике* (пер. с франц.), Москва.

Святитель Г., *Большое огласительное Слово*: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Nisskij/bolshoe-oglasitelnoe-slovo (дата доступа: 12 II 2021).

Сенкевич В. (2020): *Антитеза слова и речи (на примере Нагорной проповеди)*, „Conversatoria Litteraria” 14 (XIV), с. 171–181.

Сенкевич В. (2020): *Феноменологическая лингвистика. Этические начала и принципы языка*, Седльце.

Уилрайт Д. (1990): *Метафора и реальность. Теория метафоры*, Москва.

- Федоров Н.Ф. (2003): *Философия общего дела*, Москва, т. 1.
- Флоренский П.А. (1990): *У водоразделов мысли*, Москва, т. 2.
- Франк С.Л. (1990): *Непостижимое*, в: Франк С.Л. *Сочинения*, ред. Ю.П. Сенокосова, Москва.
- Фромм Э. (2004): *Иметь или быть? Ради любви к жизни*, Москва.
- Чуковский К.И. (2019): *От двух до пяти*, Минск.
- Эрн В. (2000): *Борьба за Логос. Г. Скворода. Жизнь и учение*, Минск–Москва.
- Якобсон Р. (1985): *Речевая коммуникация* (пер. с англ.), в: Р. Якобсон: *Избранные работы*, Москва, с. 306–319.

References

- Azimov È.G., Šukin A.N. (red.) (2009): *Novyjslova' metodičeskikh terminov i ponâtij (teoriâ i praktika obučenîâ âzykam)*, Moskva.
- Bahtin M.M. (1986): *Èstetika slovesnogo tvorčestva*, Moskva.
- Bahtin M.M. (1994): *K filosofii postupka*, v: Bahtin M.M., *Raboty 20-h godov*, Kiev.
- Bûler K. (1993): *Teoriâ âzyka*, Moskva.
- Čukovskij K.I. (2019): *Ot dvuh do pâti*, Minsk.
- Dal' V.I. (1978–1980): *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo âzyka*, v 4 t., Moskva.
- Degutis A., *Vospominaniâo vil'nûsskikh lekcîâh Meraba Mamardašvili:mamardashvili.com>pamyati-m.m>algirdas-degutis> vospominani* (дата доступа: 29 VI 2022).
- Èrn V. (2000): *Bor'ba za Logos. G. Skovoroda. Žizn' i učenje*, Minsk–Moskva.
- Evgen'eva A.P. (red.) (1981–1984): *Slovar' russkogo âzyka v 4 t.*, Moskva (MAS).
- Fedorov N.F. (2003): *Filosofîâ obšego dela*, Moskva, t. 1.
- Florenskij P.A. (1990): *U vodorazdelov mysli*, Moskva, t. 2.
- Frank S.L. (1990): *Nepostižimoe*, v: S.L. Frank *Sočineniâ*, red. Ū.P. Senokosova, Moskva.
- Fromm È. (2004): *Imet' ili byt'? Radi lûbvi k žizni*, Moskva.
- Kant I. (1994): *Sobranie sočinenij*: v 8 t., red. A.V. Gulygi, Moskva, t. 3: *Kritika čistogo razuma*.
- Kolmogorova A.V. (2012): *Koncepcii i modeli kommunikacii vsovremennom gumanitarnom znanii* «Vestnik Naukisibiri. Filologîâ. Pedagogika», ser. 9, nr 1(2), s. 272–277.
- Lotman Ū.M. (1969): *O âzyke tipologičeskogo opisaniâ kul'tury*, v: *Trudy poznavkovym sistemam*, Tartu, т. IV.
- Mešerâkov B., Zinčenko V. (red.) (2004): *Bol'šoj psihologičeskij slovar'*, Sankt-Peterburg.
- Ortega-i-Gasset H. (1991): *Filosofîâ. Kul'tura*, red. A. Zis', Moskva.
- Polborn R. (2009): *Rešenje i vybor*, Moskva–Voronež.

- Riker P. (2008): *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenевtike* (per. s frants.), Moskva.
- Senkevich V. (2020): *Antiteza slova i rechi (na primere Nagornoj propovedi)*, „Conversatoria Litteraria” 14 (XIV), s. 171–181.
- Senkevič V. (2020): *Fenomenologičeskaâ lingvistika. Ètičeskie načala i principy âzyka*, Siedlce.
- Svâtitel' G., *Bol'shoe oglasitel'noe Slovo*: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/bolshoeoglasitelnoe-slovo (data dostępu: 12 I 2021).
- Uilrajt D. (1990): *Metafora i real'nost'. Teoriâ metafory*, Moskva.
- Veselovskij A.N. (2004): *Istoričeskaâ poëtika*, Moskva.
- Vitgenštejn L. (1994): *Filosofskie issledovaniâ*, v: *L.Vitgenštejn Filosofskie raboty*: V 2-č., č. 1, Moskva.
- Vyšeslavcev B. (1994): *Ètika preobražennogo èrosa*, Moskva.
- Yakobson R. (1985): *Rečevaya komunikatsiya* (per. s angl.), v: R. Yakobson: *Izbrannye raboty*, Moskva, s. 306–319.

Communication as (non-)verbal behavior

The article describes the antinomy of communicative activity and communication. The behavioral essence of (non-) verbal communication, its uniqueness and creative nature are proved; dominant continuum characteristics of verbal negotiation and conditions for their implementation are described. Impersonal nature of communication is opposed to the egocentric properties of communicative activity. Ethological essence of communication is postulated – its connection with linguistic ethos. The most important ethological characteristics of verbal communication are considered: motivation, appellativeness, reasonableness, relevance, arbitrariness, devotion.

Keywords: *communication activity, communication, verbal behaviour, linguistic ethology, motivation*

Słowa kluczowe: *aktywność komunikacyjna, komunikacja, zachowania werbalne, etologia lingwistyczna, motywacja*

Ключевые слова: *коммуникативная деятельность, общение, вербальное поведение, языковая этология, мотивация*